

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

РОССИЙСКИЙ «МАГИСТР ФИЛОСОФИИ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ XIX — НАЧАЛА XX В.

В.В. Ванчугов

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10а, Москва, Россия, 117198

Работа посвящена историко-философскому контексту ученой степени «магистр философии» в русской интеллектуальной среде XIX—XX вв. В центре внимания автора только университетский образовательный процесс, без рассмотрения аналогичных явлений в среде духовно-академической философии. С использованием автобиографической литературы и официальных документов рассматриваются различные моменты становления магистра философии: подготовка к экзамену, экзамен, диспут, диссертация, профессиональная карьера.

Ключевые слова: магистр философии, бакалавр, свободные искусства, гимназия, университет, кафедра, профессор, диспут, полемика, диссертация, ученая степень, экзамен, академическая карьера, иерархия.

Согласно ежегодному «Объявлению о преподавании» в Московском университете в 1758 г. поделиться знаниями со слушателями готовы были Д.В. Савич и А.А. Барсов — *Philosophiae & A.A.L.L. Magister* — философии и свободных искусств магистры. Магистр — вторая (до 1884 г.) после «кандидата» ученая степень в России. Студенты, окончившие полный курс университета с отличными успехами и представившие диссертацию, одобренную факультетом, получали степень «кандидата» и оставлялись при университете для получения магистерского и профессорского звания. Так, П. Любовский по окончании Харьковского университета (1808 г.) по этико-политическому отделению со званием кандидата в течение 5-ти лет преподавал в Харьковской гимназии, и степень магистра философии получил в 1812 г., а в следующем году уже претендовал на занятие кафедры философии при университете. После 1884 г. степень магистра была первой ученой степенью и примерно соответствовала нынешнему «кандидату наук».

В XIX в. магистр становится одним из атрибутов культурной жизни, элементом образованного общества, и даже многие литературные персонажи являются обладателями этой степени. «Пестрые сказки с красным словцом» В.Ф. Одоевского публикуются в 1833 г. в С.-Петербурге с пояснением: «собранные Иринеем Моде-

стовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным» [6]. «Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы» — так начинается рассказ А.П. Чехова «Черный монах» (1), а М.В. Загоскин, сибирский издатель и писатель, взялся даже за роман «Магистр» (2). Из писателей этой степенью владел И.С. Тургенев (1842 г.). Примерно же в это время к степени магистра продвигался и С.С. Гогоцкий, сын священника, обучавшийся первоначально в Подольской духовной семинарии, затем поступивший в Киевскую духовную академию, оставшийся в ней по окончании преподавателем, но позже, получив степень магистра философии при Киевском университете, уже в нем ставший преподавать философию.

Первым в России вопрос о введении ученых степеней поднял Ломоносов. В 1764 г. он подготовил и направил на рассмотрение императрице Елизавете Петровне проект указа о предоставлении Академии наук и Московскому университету права производить «всех достойных выпускников университетов» России по примеру европейскому «в лицендиаты и в докторы» на юридическом и медицинском факультетах, а на философском факультете — «в магистры и докторы». Ученые степени сделать непременным условием Ломоносов предлагал не только для оценки заслуг отдельных преподавателей в педагогической деятельности в университете, но и для роста в чинах согласно «Табелю о рангах» (3). Однако это предложение Ломоносова в силу разных причин принято не было, хотя и послужило в последующем основой для принятия соответствующих решений.

В девятой главе «Общего устава Императорских Российских университетов» 1863 г. («Об ученых степенях и почетных членах») определялось, что Советы университетов по представлениям факультетов имеют право утверждать в ученых степенях «магистр» и «доктор». От ищущего степени магистра требовалось кроме нового устного испытания еще и публичная защита диссертации. Те же магистры удостоиваются затем степени доктора по представлению и публичной защите диссертации. Ученые степени приобретаются в порядке их постепенности и в установленные сроки: «кандидат» через год может претендовать на степень магистра, а «магистр» через год — на степень «доктора».

Если В.С. Соловьев стал магистром философии в 21 год, то А.А. Козлов впервые обратился к изучению философии, «имея уже более 40 лет», и магистерский экзамен по философии сдал только в 48 лет, в 1880 г. защитив положенную для того диссертацию «Метод и направление философии Платона».

Подготовка к магистерскому экзамену занимала до 4 лет. Иногда экзаменаторы задавали предварительно до 200—300 вопросов и примерно такой же список рекомендуемых книг (общий список утверждался факультетом). Экзамен должен был дать представление научной общественности о том, насколько соискатель владеет знаниями по всему спектру предметов факультета. В 1874 г., когда Владимир Соловьев претендовал на степень магистра философии, в С.-Петербургском университете действовали как общее положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени (утвержденное министром народного просвещения 4-го января 1864 г.), так и особые правила о сроке и порядке

испытаний на степень магистра в С.-Петербургском университете (утвержденные 3-го июля 1865 г.).

Основные правила в общем положении сводились к нижеследующему.

В прошении, подаваемом на имя ректора, обозначалось, на какую именно ученую степень и по какому разряду наук соискатель желает подвергнуться испытанию, причем представлялся также документ, определяющий имеющийся ученый ценз, а ректор передавал прошение декану надлежащего факультета для дальнейших распоряжений. Испытания на степень магистра производились в полном составе факультета, оценка познаний испытуемого отмечалась соответствующим профессором или занимающим кафедру доцентом в особом списке, подписываемом тут же, на общем совещании, всеми членами факультетского собрания. На основании этих отметок, по окончании всех экзаменов, составлялось общее заключение — благоприятное или неблагоприятное для испытуемого. Для приобретения степени магистра надлежало выдержать испытание по главным и вспомогательным предметам факультета или отделения. Согласно «таблицам», сопровождающим Положение, при испытании магистра философии (а) главными предметами являлись психология, логика с метафизикой, этика и история философии, а (б) вспомогательными или «вторыми» — древние языки.

Искал степени магистра и друг Соловьева — Л.М. Лопатин, поступивший на историко-филологический факультет Московского университета в 1875 г. Кафедру философии к тому моменту возглавлял профессор М.М. Троицкий, сторонник английского эмпиризма и противник метафизики, так что по окончании курса наук метафизика Лопатина не оставили на кафедре. В 1879 г. он служит учителем русского языка в казенном реальном училище, с 1880 г. — учителем литературы и истории в гимназии Л.И. Поливанова, в женской гимназии С.С. Арсеньевой. В 1883 г. благодаря поддержке В.И. Герье Лопатин допущен к сдаче магистерских экзаменов. О подготовке к ним он писал Герье в апреле: «Во все продолжение этой зимы я был сильно затруднен магистерскими экзаменами... Я выдержал их уже почти все. Остался один греческий язык, из которого буду держаться на Фоминой неделе. Троицкий был гораздо любезнее, нежели я ожидал, хотя и дал мне программу всего за 2 недели до экзамена; но на экзамене был весьма хорош, если исключить некоторые попытки смущать вопросами».

А вот как проходили испытания спустя почти три десятка лет, согласно воспоминаниям С.И. Гессена, весной 1910 г. допущенного к магистерскому экзамену на историко-философском факультете Петербургского университета: «Побеседовав с моими будущими, весьма многочисленными, экзаменаторами и условившись с ними, особенно с экзаменатором по философии А. Введенским, о темах, которые я должен был приготовить, о детальной программе, которую я должен был представить через год, я отплыл пароходом в Марбург, чтобы провести там летний семестр... Программа подготовки к магистерскому экзамену требовала трех лет напряженной работы. Кроме упомянутых предметов и экзаменов по философии, логике, метафизике, психологии, этике и истории философии, в эту программу были включены также экзамены по латинскому и греческому языкам» [2. С. 732—733].

В том же году В.Ф. Эрн сообщал из Москвы в Тифлис жене (1910): «Вчера был в Университете и выяснил дни экзаменов. 23 февраля буду держать этику. Через две недели латынь и греческий, еще через две недели Логику и Психологию. Латынь и греческий предложил соединить мне декан, для ускорения. Логику и психологию — Челпанчик. Это знаки благоволения с их стороны — для меня же сбережение сил. Итак, 23 марта я кончу экзамены, если все пройдет благополучно. В марте мне предстоит мой суд. Таким образом, в марте покажет нам лик свой наша Судьба. 23 февраля будет держать первый экзамен Аскольдов» [1]. А через две недели тому же адресату дан был такой отчет: «Отвечал прекрасно, получил „весьма“. Челпанчик смотрит на меня застенчиво. Дают Платона и застенчиво Спенсера. Отвечаю. Они довольны. Вместо вопросов — разговор на философские темы. С Лопатиным — о Платоне, с Челпанчиком — о Спенсере. Жмут мне руки. Лопатин смотрит с любовью. „Одноглазый“ декан смотрит ласково. Назначаю день следующих экзаменов. Лопатин начинает спрашивать о „диссертации“. Темой довольны, написанной главой — еще больше».

Как же складывалась жизнь магистра после экзамена? А.И. Введенский, в 1881 г. окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета, после экзамена был командирован на два года в Германию (1884—1886), где слушал лекции Куно Фишера в Гейдельберге, и в 1888 г. защитил магистерскую диссертацию «Опыт построения теории материи на принципах критической философии».

20 февраля 1909 г. И.А. Ильин был допущен к экзамену на степень магистра по предметам истории философии права и государственного права и в мае того же года сдал его с оценкой «весьма удовлетворительно». В своем ходатайстве об отправке Ильина в научную командировку за границу, написанном в октябре 1909 г., П.И. Новгородцев дал следующий отзыв о своем питомце: «Г. Ильин после пятилетних занятий под моим руководством блестяще сдал экзамен на степень магистра в истекшем академическом году. Он обнаружил совершенно необычную для своих лет эрудицию и обратил на себя внимание факультета как своими познаниями, так и присущим ему даром изложения. Подготовка г. Ильина оказалась одинаково серьезной как в юридических дисциплинах, по которым ему пришлось подвергаться испытанию, так и в области философии права. Все данные заставляют считать, что из него выработается не только дельный преподаватель, но и даровитый ученый, который сделает честь воспитавшему его Университету».

В.Ф. Эрн в письме Е.Д. Эрн (1910), отчитываясь о прошедшем магистерском экзамене, сообщал среди прочего, что пользуясь моментом, он заговорил о заграничной командировке: «И декан, и Лопатин — в один голос: «Отлично! Прекрасно! И поезжайте». Тут же декан сообщает самую приятную весть. Дают не 3000 на два года, а 4000! Чего же лучше! Поездка возможна лишь с января»...

Итак, с заграничной стажировкой или без нее, но непременно условием получения магистерской и докторской степени до 1918 г. являлась подготовка научной квалификационной работы — диссертации.

Магистерскими экзаменами дело не ограничивалось. Завершив благополучно «испытание», претендент обязан был представить диссертацию на избранную им

самим и факультетом одобренную тему. «Диссертация», в которой должны быть обозначены главные ее тезисы, рассматривалась, по распоряжению декана, отдельно всеми членами факультета, а письменный разбор делал профессор или занимающий кафедру доцент, к предмету которого относилось сочинение. На рассмотрение и разбор диссертации давалось полгода, но не более. Если работа признавалась удовлетворительной, то факультет допускал кандидата к публичной защите и затем давал представление Совету об утверждении его в степени магистра. Время для публичной защиты назначал декан факультета, о чем затем делалось публичное объявление.

Диссертацию могло заменить «самостоятельное сочинение», написанное и не с целью получения степени, лишь бы оно относилось к тому разряду наук, по которому искалась ученая степень.

Экземпляры диссертации, напечатанной автором за свой счет, представлялись за месяц до диспута.

При публичной защите диссертации присутствовали декан и члены факультета, приглашались принять участие в диспуте и не принадлежащие к университету доктора и магистры по той же науке. Официальных оппонентов, заблаговременно назначенных факультетом, было не менее двух. Возражения могли представлять все присутствующие на диспуте лица. Декан направлял прения, поддерживал необходимый порядок, заключал диспут, собирал мнения присутствующих членов факультета и публично объявлял о состоявшемся решении, затем делал представление Совету университета об утверждении защищавшего диссертацию в ученой степени. В дипломе, выдаваемом диспутанту, обозначалась не только ученая степень, но и заглавие публично защищенной им диссертации или представленного вместо нее сочинения.

Ученые диспуты до 1917 г. были, как правило, культурным событием, на которое обращала внимание образованная публика города, непременно упоминалось в прессе. Например, Б.В. Горнунг, заканчивающий Первое московское реальное училище, в начале 1916 г. прочел в одной из московских газет заметку о состоявшейся в университете блестящей защите приват-доцентом Г.Г. Шпетом магистерской диссертации на тему «История как проблема логики», после чего «твердо решил, несмотря на противодействие и уговоры отца, поступать на историко-филологический факультет, уже купил начальный учебник латинского языка Виноградова и начал его штудировать» [3].

Ну а для провинции подобные события уступали место по значимости только пожарам да приездам ревизоров из столицы. «Сам по себе диспут на право приват-доцентуры — не Бог весть что, — заметил Е.Н. Трубецкой. — Но в небольшом провинциальном городе, при отсутствии иных ученых диспутов, — он разросся в целое общественное событие. Съехался меня слушать весь город, — и губернатор и генерал — начальник дивизии и иные высокопоставленные лица. Актовый зал лицея был битком набит. Когда я, подъезжая к лицейю, увидел вереницу карет, волнение мое удвоилось; когда же передо мною предстал в треуголке и с булавой швейцар, коего я доселе обыкновенно видал в заштопанном и заса-

ленном мундире, я ощутил испуг и даже минуту раскаяния. — Вот какая помпа ради меня, вот сколько народу съехалось меня слушать и вдруг среди этой торжественной обстановки я провалюсь. Зачем я это все затеял!» [4].

Осенью 1853 г. Н.Г. Чернышевский поведал родным, что магистерскую диссертацию свою пишет «об эстетике», и что если она «пройдет через университет в настоящем своем виде, то будет оригинальна, между прочим, в том отношении, что в ней не будет ни одной цитаты, а всего только одна ссылка. Если же найдут это не довольно ученым, то я прибавлю несколько сот цитат в три дня» [9. С. 242]. В своем окончательном виде его диссертация содержала пространную цитату из Ф.Т. Фишера, а также две выписки из Гегеля.

10 мая 1855 г. происходит защита неделю назад напечатанной диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Официальными оппонентами были профессор А.В. Никитенко и адъюнкт М.И. Сухомлинов. Магистерский диспут привлек множество народу. «Небольшая аудитория, — рассказывал Н.В. Шелгунов, — отведенная для диспута, была битком набита слушателями. Тут были и студенты, но, кажется, было больше посторонних, офицеров и статской молодежи. Тесно было очень, так что слушатели стояли на окнах. Я тоже был в числе этих, а рядом со мной стоял Сераковский (офицер генерального штаба, впоследствии принявший участие в польском восстании и повешенный Муравьевым). Во время диспута Сераковский приходил в самый шумливый восторг и увлекался до невозможности» [10. С. 163]. «Кажется, я на лекциях читал вам совсем не это!» — обратился к диссертанту Плетнев, не скрывая упрёка.

Иных принципов придерживался при написании магистерской диссертации В.С. Соловьев, но его публичная защита вызвала еще больший шум в публике. Желание Анны Федоровны Аксаковой и других лиц «смотреть» на него Соловьев объяснял «некоторым шумом, донесшим в Москву из Петербурга, где я несколько месяцев перед тем начал свое поприще магистерским диспутом в университете. Моя юношеская диссертация, а также вступительная речь на диспуте, резко шли против господствовавшего у нас в то время позитивистического течения, и, доставивши мне *succes de scandale* (4) в большой публике и у молодежи, вместе с тем обратили на себя внимание „старших“: Каткова, Кавелина, и особенно последних представителей коренного славянофильства, к которому в некоторых пунктах примыкали мои воззрения, хотя и незрелые, но достаточно определенные в главном» [8. С. 365].

На диспуте «философа призывного возраста» — так назвал нового магистра фельетонист «Голоса» (1874. № 332) — присутствовало помимо университетской профессуры несколько лиц из высшего духовенства, а также члены так называемого кружка «трезвых философов» (т.е. не одурманенных метафизикой): В.В. Лесевич, Н.К. Михайловский, Н.Ф. Анненский — агитаторы «положительной философии». Вступительная речь Соловьева на защите диссертации «Кризис западной философии. Против позитивистов» была озаглавлена как «Несколько слов о настоящей задаче философии» и начиналась обращением: «Милостивые государи! Для всех, кто признает какой-нибудь смысл в истории человечества, не под-

лежит сомнению, что историческая жизнь народов определяется прежде всего их основными убеждениями, их общим мировоззрением...» [7. С. 153—155]. Присутствовавший на диспуте студент П.О. Морозов вспоминал о впечатлении, которое диссертант произвел на собравшихся: «Перед нами появился высокий, стройный юноша, с лицом „иконописного“ типа, в рамке длинных черных волос, разделенных пробором посередине головы, с слабыми признаками растительности, начинавшейся на лице, и с каким-то особенным... странным взглядом глубоких глаз, устремленным куда-то поверх публики. Он словно читал свою коротенькую вступительную речь, написанную на противоположной стене» [5. С. 30].

Менее эффектной, но потребовавшей предварительных ухищрений, была защита друга Соловьева — Л.М. Лопатина, получившего приглашение на кафедру философии Московского университета читать лекции в должности приват-доцента. 29 мая 1886 г. состоялась его защита магистерской диссертации, изданной под названием «„Область умозрительных задач“ как первая часть книги „Положительные задачи философии“». На магистерском диспуте официальными оппонентами Лопатина выступили М.М. Троицкий и А.М. Иванцов-Платонов. Соловьев сообщил В.П. Преображенскому, что по его совету «Лева приготовил такую вступительную речь, которая заранее парализовала главную атаку его противника, а затем декан Г.А. Иванов так искусно прочел язвительный отзыв Троицкого, что никто не заметил его язвительности».

Вспоминая свой магистерский диспут по поводу диссертации «Росмини и его теория знания» (1914), В.Ф. Эрн сообщал жене из Москвы в Тифлис (1915): «Должен прямо сказать, что диспут был как диспут, и если что и было особенного, — то не в диспуте, а вокруг него... Накануне диспута мы разговаривали с Вячеславом о двух вещах — о Китайском дворце... и о пирушке по поводу получения степени... Вячеслав требовал, чтобы я либо пригласил Лопатина, декана и моих друзей в ресторан, либо позвал их к нам» [1].

Здесь следует учесть, что защита магистерской диссертации Эрна пришлось на военное время. Еще менее благоприятными были условия для диспутов у И.А. Ильина. Свой текст «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» как магистерскую диссертацию он должен был защищать в мае 1918 г. Оппонентами были П.И. Новгородцев и кн. Е.Н. Трубецкой. В своем некрологе на смерть учителя — Новгородцева — Ильин описал, как он накануне своей защиты посетил Петра Ивановича, чтобы предостеречь его о возможном аресте. После долгих уговоров ему удалось убедить профессора не ночевать дома. Действительно, ночью состоялся обыск у Новгородцева, были конфискованы рукописи, но самого ученого найти не удалось. На следующий день факультет собрался на защиту диссертации. После небольшой задержки появился и Новгородцев, «свежий, уравновешенный, в сюртуке, который он специально велел принести из своей оккупированной квартиры»... Защита длилась с трех до семи часов вечера, в итоге кроме ученой степени магистра Ильину также присудили степень доктора наук.

А вот выпускник Московского университета П.П. Блонский (1884—1941), избравший в качестве темы магистерской диссертации философские взгляды Плотина, не успел получить этой степени из-за отмены с 1 октября всех ученых званий и степеней.

В 1930-е гг. ученые степени и звания восстановили, но «магистр» исчез из советского образовательного и научного обихода вплоть до распада СССР. В процессе «перестройки» в рамках двухступенчатой системы образования степень магистра появилась, но имея уже иное, чем в дореволюционное время, значение. Современный магистр в области философии, как продукт системы «массового высшего образования», почти непригоден ни к преподавательской деятельности, ни к исследовательской работе. Остается надеяться, что модернизация системы образования изменит ситуацию в лучшую сторону.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В IX гл. сообщается, что «Коврин получил самостоятельную кафедру. Вступительная лекция была назначена на второе декабря, и об этом было вывешено объявление в университетском коридоре. Но в назначенный день он известил инспектора студентов телеграммой, что читать лекции не будет по болезни».
- (2) В 1860—1866 гг. Загоскин работал над романом «Магистр», посвященном творчеству А.П. Щапова, но не завершил труд, и только в 1876 г. первая его часть вышла в «Сборнике газеты „Сибирь“».
- (3) Ранжирование чиновников было принято в 1722 г. и не учитывало «ученое сословие», которого в то время просто еще не было.
- (4) Скандальный успех (фр.).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] «Взыскующие града. Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников». — Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- [2] *Гессен С.И.* Избранные сочинения. — М., 1999.
- [3] *Горнунг Б.В.* <Из воспоминаний о 1914—16 годах> // Поход времени. Статьи и эссе. — М.: РГГУ, 2001.
- [4] *Кн. Евг. Н. Трубецкой.* Воспоминания. — Часть II. Годы учебной и ученой деятельности. I. Начало преподавательской деятельности. Демидовский Лицей. — М.: Директ-Медиа, 2010.
- [5] *Лукьянов С.М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. — Вып. 1. — СПб., 1916. — С. 30.
- [6] *Одоевский В.Ф.* Пестрые сказки; Сказки дедушки Иринаея. — М., 1993.
- [7] *Соловьев В.С.* «Несколько слов о настоящей задаче философии» (Сказано на философском диспуте в С.-Петербургском университете 24 ноября 1874) // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. — Том первый. 1873—1876. — М.: Наука, 2000.
- [8] *Соловьев В.С.* Из воспоминаний. Аксаковы // Соловьев В.С. Литературная критика. — М.: Современник, 1990.
- [9] *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений в 15 т. — М., 1939—1953. — Т. 14.
- [10] *Шелгунов Н.В.* Воспоминания. — М.—П., 1923.

**«MASTER OF PHILOSOPHY»
IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL SYSTEM
IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

V.V. Vanchugov

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article helps the reader to the analysis of the historical and philosophical background of the Master of Philosophy academic degree in Russian intellectual circles of the 19th and 20th centuries. Special emphasis is given to the university education while the related phenomena in «theological academies» are left unattended. The author draws on memoirs and official documents to highlight various landmarks pertaining to the process of Russian student development into the Master of Philosophy: preparation for the examination, examination, dispute, debate with opponents, dissertation, professional career.

Key words: Master of Philosophy, Bachelor, Liberal Arts, gymnasium, university, chair, professor, dispute, polemics, dissertation, academic degree, examination, academic career, hierarchy.